

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 974-985. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.974
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From the Antichrist to the Revolutionary: Peter the Great in the National Socio-Historical Discourse of the XVIII – early XX century

Ludmila V. Mininkova ^a, Tayjana Ju. Ajdunova ^{a, *}

^aSouth Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

Peter the Great as one of strongest and most sustainable lieu de mémoire was represented in different forms. They included short one-word characteristics of the czar. They are to be considered as important historical source for the study of public consciousness of Modern Russia. Even short, they meant important information that was connected with attitudes of various social groups towards czar. First of them were formed in public consciousness of Peter's epoch and one of the most important was image of the czar as czar-Antichrist. The latest image, czar-revolutioner, was introduced by Alexander Gertcen. Among these characteristics were both critical and apologetical. Critical characteristics, for instance, czar-Antichrist, was formed among mass people and developed within society. In post-reform period till the beginning of 20th century, during the crisis of Russian autocracy, these ideas were developed among democratic intelligencia. Apologetic ideas were given by educated people who recognized input of the czar in the development of education in Russia and by people who were closed to the authorities. Among of the most popular characteristics of the czar were hero, navigator, worker and reformer. The desire to generate godly image to Peter the Great was not developed. Also, image of Peter – revolutioner could not be considered as apologetic or critical.

Keywords: historical memory, public consciousness, historical image, Peter the First as Russian lieu de mémoire, czar-Antichrist, czar-reformer, czar-revolutioner, Alexander Pushkin, Alexander Gertcen about Peter the First.

1. Введение

Жизнь и многосторонняя деятельность Петра I нашла самое широкое отражение в историографии, начиная еще с петровского времени. Вместе с тем особенностью современной историографии стало то, что в центре внимания историков оказалась проблематика восприятия прошлого в массовом сознании и в общественно-историческом дискурсе, представленного в образно-сюжетном ряде прошлого в сознании общества. Для массового сознания российского общества и российских общественно-исторических дискуссий одним из наиболее мощных и значимых образов был образ первого императора России. Не случайно в нем сложился целый ряд образов царя, через которые проявлялось отношение к нему, к проводившимся им реформам и к самодержавию вообще. Выявление и характеристика внутренней сущности этих образов способствует уяснению особенностей российской общественной мысли в свете отношения ее к основателю Российской империи.

2. Материалы и методы

Анализ разнообразных источников позволяет выявить образы Петра I, отразившиеся в письменных, изобразительных и вещественных источниках. К письменным источникам относятся труды историков, произведения литературы и публицистики, в которых раскрывается авторское

* Corresponding author

E-mail addresses: tat-apr@mail.ru (T.Ju. Ajdunova)

отношение к царю и его деятельности. В изобразительных и вещественных источниках, которыми являются монументы Петру Великому, установленные в России, такое отношение выражается через его художественные образы.

К методологии исследования относится опора на принцип историзма, в свете которого всякое рассматриваемое явление понимается как выражение культуры своего времени. Принцип лингвизма современной отечественной исторической науки дает возможность рассматривать характер и особенности отношений к царю с учетом языковых средств, причем это может быть язык исторической науки, публицистики, художественной литературы и искусства. Использование компаративистики дает возможность сопоставить образы царя и выявить особенности отношения к нему в разных сегментах отечественной общественно-исторической мысли.

3. Обсуждение

Петр Великий как один из наиболее сильных и устойчивых образов русской исторической памяти в новой и новейшей отечественной истории выступал в ней в самых разнообразных проявлениях. Такое разнообразие определялось непростым отношением в обществе к царю и его реформам. На это справедливо указывал еще С.М. Соловьев. С одной стороны, апологетика царя возводила его на уровень божества, что подчеркивал М.В. Ломоносов, цитату из оды которого привел выдающийся историк: «Он бог твой, бог твой был Россия» (Соловьев, 1984: 10). Напротив, критики его отмечали, по словам С.М. Соловьева, что Петр «нарушил правильное течение российской жизни, уничтожил ее народный сводный строй, погряз народными нравами и обычаями, произвел рознь между высшими и низшими слоями населения, заразил общество иноземными обычаями, устроил государство по чуждому образцу и подобию, заставил русских людей потерять сознание о своем, о своей народности» (Соловьев, 1984: 11). Отсюда, делал вывод он, проистекало столь разное отношение к царю со стороны современников и потомков. Для выражения этого отношения к Петру I, как ни к какому иному российскому самодержцу, находили разные, очень выразительные и краткие, состоявшие из нескольких и даже из одного слова, определения. Эти определения представляют интерес в связи с тем, что через них разные слои общества высказывали самую суть своего отношения к царю и всей его деятельности, а в силу своей краткости и выразительности они очень хорошо усваивались и распространялись в массовом сознании. В историографии обращалось внимание прежде всего на такие из них, которые давались еще людьми петровского времени. Это были такие определения с ярко выраженной негативной коннотацией, как «царь-антихрист» и почти аналогичные ему по смыслу «царь-немец» или «подменный царь». На широкую распространенность взгляда на Петра I как на антихриста в России указывал Е.Ф. Шмурло и приводил в пример народную лубковую живопись, в которой «антихрист на некоторых рисунках изображен с чертами лица, не оставляющими никакого сомнения в тождестве их с чертами императора Петра I» (Шмурло, 1912: 4). О созданной переписчиком церковных книг Григорием Талицким теории, согласно которой «антихрист воплотился именно в Петре I» (Голикова, 1957: 136), указывала Н.Б. Голикова. По ее словам, казнь Талицкого и «витиеватые послания» против него местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского «не положили предела разговорам о том, что Петр I является антихристом» (Голикова, 1957: 145). Она же указывала на связь теории Петра I как царя-антихриста и как царя-немца (Голикова, 1957: 148-149). А.И. Клибанов считал «общестароверческим» протест старообрядцев «против петровских нововведений, вплоть до квалификации их как "антихристовых"» (Клибанов, 1977: 130). На широкое распространение в народе в течение всего петровского царствования идеи подменного царя указывал К.В. Чистов, в том числе о распространенности ее в период страханского восстания (Чистов, 1967: 110, 118). Он же отмечал мнение о бытовании в народе легенды, согласно которой Петр I – это «царь-избавитель», но не считал, что такая легенда вообще существовала (Чистов, 1967: 113).

Значительно меньше внимания было уделено в историографии другим характеристикам царя, таким же кратким, определенным и четко указывавшим на типичные стороны его личности и деятельности. Согласно О.Б. Леонтьевой, уже в XVIII в. возникли, помимо образа царя-антихриста, «четыре образа Петра, каждому из которых была суждена долгая жизнь». Это были образы «царя-героя», «царя-реформатора», «царя-учителя» и «царя-плотника» (Леонтьева, 2011: 234).

Интерес к таким кратким определениям вызывается тем, что в них при самом минимуме лексических средств общество четко фиксировало суть своего отношения к царю, к его власти и всей его деятельности. Они позволяют понять не только отношение разных общественных слоев русского общества к монарху, но и выражение через такие оценки системы ценностей, сложившихся в них, и то, в какой степени соответствовали этим ценностям петровские реформы. Они также позволяют уяснить, до какой степени через образ Петра I развивалось идейное противостояние на разных этапах развития русского общества, способствуя поддержанию его состояния, по словам А.С. Ахиезера, как общества расколотого. Такое общество отличала «неукорененность в культуре идеала всеобщего согласия» (Ахиезер и др., 2008: 166), или это было «высокодезорганизованное общество» (Ахиезер, 2006: 127), в том числе и по линии отношения к этому наиболее выдающемуся из российских самодержцев.

4. Результаты

Как справедливо указывалось в редакционной статье без названия газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 30 мая 1872 г., посвященной 200-летней годовщине со дня рождения Петра I, «деятельность Петра породила при его жизни и порождала долгое время после его смерти страстные симпатии и антипатии. В сущности дела, у Петра было больше врагов, чем друзей» ([Санкт-Петербургские ведомости, 1872](#)). Отсюда не случайно, что среди подобных характеристик Петра I к наиболее раннему времени относится характеристика его как царя-антихриста. Сведения о ней ранее всего зафиксированы в следственном деле переписчика церковных книг Григория Талицкого, которое велось в Преображенском приказе в 1700 г. Судя по следственному делу, Талицкий подводил под это утверждение доказательную базу. В ходе допроса он указал среди своих источников «книгу о счислении лет и что названа врата», а также книгу «о падении Вавилона, в которой написана на великого государя хула» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 72](#)). Сам он «винился» в том, что «составил он воровские письма, будто настало ныне последнее время и антихрист мир пришел, а антихристом в том письме, ругаясь, писал великого государя». Отсюда следовали в его сочинении конкретные рекомендации, когда Талицкий «народам от него, государя, отступать велел и слушать его, государя, и всяких податей ему платить не велел». Он признался, что принимал меры к распространению своих сочинений, «единомышленником своим и друзьям давал письма руки своей на столбцах, и иным в тетратех». Представляется важной для понимания общей ситуации с сочинениями Талицкого одна небольшая деталь его допроса, когда он говорил, что давал свои «письма» «единомышленником» и «друзьям», «и за то у них имал деньги» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 60](#)). На новом допросе, «с подъему», Талицкий указывал, что причиной была «скудость моя, нечем питаться» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 73](#)). Скрытый смысл указания Талицкого на первом допросе о получении им денег в том, что все то, что он писал, пользовалось спросом в обществе, и эти идеи вполне разделялись в определенной его части. Не случайно, например, один из проходивших по делу людей, иконник Ивашка Савин, заявлял в ходе допроса, что «он-де, Гришка, в тех письмах писал всю правду от книг Божественного писания и не своим вымыслом» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 65](#)). Понимая это, следствие не случайно стремилось подчеркнуть особо опасный для государства характер действий Талицкого. На это указывали слова его из первого допроса об активной подготовке печатания его сочинений о «последнем времени и о антихристе». Он указывал, что «вырезал две доски, а на тех досках хотел печатать листы, и для возмущения ж и к бунту и а его же, государево, убийство», причем «те листы хотел отдать в народ безденежно» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 60-61](#)). Все это вытекало из главной характеристики Петра I в качестве антихриста, которую давал Талицкий. Это прямо свидетельствует из допроса попады Степаниды, жены попа церкви Входа в Иерусалим в Китай-городе. По ее словам, «Гришка великого государя антихристом называл, и какой де он царь мучит сам». Отсюда не случайно, что Гришка «про государя царевича говорил не от доброго де корения, и отрасль не добрая» ([Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861: 70](#)). В самом деле, по логике допрашиваемых, иным сын у царя-антихриста быть не мог.

Характеристика Петра I в качестве царя-антихриста оказалась из подобных кратких наименований этого монарха наиболее сильной и устойчивой. При всей своей распространенности в обществе она была в период своего появления прежде всего народной. Талицкий настолько точно обозначил самую суть массового отношения к царю среди широких слоев населения, что связка между именем Петра I и указанием на него как на антихриста распространялась уже без какого-либо участия казенного переписчика церковных книг и лиц, проходивших с ним по его делу. Она стала устойчивым местом русской исторической памяти, по существу таким же значимым, как сам первый российский император. Не случайно роман Д.С. Мережковского начала XX в., посвященный Петру I и его времени, был озаглавлен автором «Антихрист». Конечно, к тому времени социальная база такого понимания сущности царя изменилась. Если в петровское время и на протяжении XVIII в. идея царя-антихриста была по преимуществу народной, то на рубеже XIX–XX вв. в народе этот царь уже не воспринимался столь же близко и остро, как ранее: образ его в массовом сознании относился уже к далекому прошлому. Но он занимал прочные позиции в сознании части интеллигентской среды, ощущавшей возможный и недалекий крах самодержавия и оппозиционно настроенной по отношению к нему. Для нее одной из форм такого отношения к самодержавному строю была негативная характеристика Петра Великого как личности, заложившей основы петербургской империи. Такая характеристика была направлена против идеализации царя как властью, особенно заметной в период празднования петровских юбилейных дат, приходившихся на это время, так и народом, активно участвовавшим в этих празднованиях и воспринимавшим вполне позитивно идеализацию монарха. Но идейная основа понимания Петра I как царя-антихриста во времена Г. Талицкого и Д.С. Мережковского была совершенно разной. Для начала XVIII в. такой основой было Священное Писание, из текстов которого Талицкий вычитывал доказательства того, что Петр I – антихрист. Разумеется, для интеллигенции, к которой принадлежал Д.С. Мережковский, опора на подобные доказательства полностью исключалась. Само понятие антихриста воспринималось ею не в

прямо, а в переносном смысле как характеристика определенных качеств человека, причем самых отрицательных. При этом их концентрированным выражением виделось писателю, как и его современникам и единомышленникам, убийство царевича Алексея, на которую царь дал согласие. Отсюда и подзаголовок романа «Антихрист» – «Петр и Алексей». Вообще среди части русской интеллигенции взгляд на Христа, согласно В.С. Соловьеву, как на воплощение «в духе Христовом» «любви и милосердия, подвига и самопожертвования» (Соловьев, 1991: 243), получил признание и распространение. В этой связи понимание Петра I как антихриста в глазах части русской интеллигенции было связано с тем, что она не находила в его деятельности начал любви и милосердия, но в гибели царевича видела наиболее прямое, решительное и яркое отрицание этих начал, которые исходили от Христа. Отсюда и образ Петра I как образ, противоположный тому, что нес в себе Христос, или образ антихриста. Петр I как антихрист означал во всей своей деятельности нечто противоположное христовой любви и милосердию, что и стремился показать Д.С. Мережковский.

Среди кратких прозваний Петра I с резко негативным смыслом выделяется указание на то, что он – царь-немец. Очень четко это прослеживается в следственном деле в Преображенском приказе 1701 г. крестьянина Васьки Старыгина из Веневского уезда под Тулой. Он заявлял крестьянам во время сенокоса о Петре I, что «будто де он немчин, а скрали де его немцы у мамок в малых летех, а вместо его подменили инога» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 13. Л. 10). В ходе следствия под пыткой «на виске» Старыгин признался, что слышал об этом на Веневе и говорил об этом «посацкой человек Пронка Барышник» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 13. Л. 14). Следовательно, слухи об этом были достаточно распространены, причем в разных вариантах. Крестьянка помещика Протасова, которую звали Улита, давала под следствием в 1701 г. эту версию в таком варианте: «Царь Алексей Михайлович ей, государыни, говорил: буде ты родишь сына, я де тебя пожалую, а буде родишь дочь, я тебя в струбе сожгу. И царица де родила дочь, а немка в то ж число родила сына, и ту де дочь отослали к той немке, а у ней вместо того взяли сына и принесли к ней, царице» (Голикова, 1957: 181). Своеобразное соединение версий о царе-антихристе и о царе-немце представлял один из донских казаков городка Нижний Чир. По словам казака, «он де, государь, не царь, а антихрист». И далее он разъяснял, каким образом антихрист мог стать царем. «Царица де Наталья Кирилловна родила девицу, и вместо де той царевны своровали бояре, подменили иноземца, Францова сына Лефорта» (РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Д. 291. Л. 11-12). Таким образом, в словах этого казака идея царя-антихриста соединялась с идеей подменного царя и царя-иноземца. О царе-немце казак не говорил. Но указание на иноземное его происхождение предполагало возможность того, что он был немцем. Для массового сознания конкретная этническая принадлежность не настоящего, подменного, царя была не такой уж, по-видимому, важной. В самом деле, в одном случае указывается то, что царь – «латыш». Столяр князя А.Д. Меншикова Василий Королек в 1722 г. говорил, что императрица Екатерина Алексеевна «чюхонка, и недавно на ней государь женился» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 98. Л. 21). Самое главное состояло в том, что такой царь-иноземец не мог быть православным государем, а в массовом сознании под воздействием церкви сложилось четкое представление о враждебности «латинства» и «люторства», западного христианства вообще, поскольку все иные направления христианства, кроме православия, рассматривались как еретические. Поэтому образ царя-иноземца был таким же негативным, как и образ царя-антихриста.

Краткие и четкие позитивные и апологетические характеристики Петра I также давались современниками. Автор истории Северной войны, выдающийся дипломат П.П. Шафиров, давал характеристику Петру I, согласно которой государь «не токмо сам себя показал великим вождем, и храбрым, и неустрашаемым, и разсудительным воином, каковым из его равных едва ль кто в сии веки обрести может» (Шафиров, 1722: 10). Таким образом, из этой характеристики видно, что П.П. Шафиров считал необходимым особо подчеркнуть роль Петра I как вождя и воина, причем два этих определения были в сознании их автора тесно связаны. Вождем в свете данного высказывания Петр I был прежде всего военным. Однако значительно в большей степени известны характеристики, которые содержатся в «Стансах» А.С. Пушкина: «То академик, то герой, То мореплаватель, то плотник» (Пушкин: 1974, 90). К характеристикам Петра I, выделяющим качества его как военного предводителя, относится самая обобщенная из них – герой. Качества его как героя высказывали разные авторы XVIII в. С известными историческими образами героев-римлян, одержавших победу над «пресловутым оным Аннибалем, вождем карфагенским» (Феофан Прокопович, 1961: 29), сопоставлял царя Феофан Прокопович. М.В. Ломоносов настолько высоко ценил царя как полководца и героя, что заявлял, будто бы для шведов «быть от Него побежденным есть славнее, нежели победить слабые полки под худым предводительством» (Ломоносов, 1959: 595). Тем более героический образ Петра I стал достоянием русского и зарубежного искусства. К наиболее ярким художественным образам царя-героя относится изображение Петра I на мозаичной картине «Полтавская баталия», созданной М.В. Ломоносовым, где монарх представлен на коне, готовым скакать в гущу боя (Полтавская баталия, 1976: 8-11). Вообще, тема Петра I как царя-героя и победителя шведов в Полтавской битве оказалась распространенной в живописи. На картине неизвестного художника, выполненной вскоре после битвы, изображен Петр-герой на коне, главу

которого ангел венчает лавровым венком. Царь на коне, в средневековых доспехах с мечом, поверх доспехов у него алый плащ, который так же, как и лавровый венок, был символом римского триумфатора. На заднем плане картины видно поле Полтавского боя. Ангел, венчающий лавровым венком царя-героя на коне непосредственно во время битвы, представлен на картине И.Г. Таннауера примерно того же времени. Царь на коне на общем фоне Полтавского боя во главе группы русских военачальников представлен на полотне французского художника Л. Каравакка 1718 г. В ней уже не использованы римские символы и аллегории, а на царе не средневековые доспехи, а его синий мундир Преображенского полка и известная шляпа, пробитая шведской пулей. Единственным аллегорическим образом героя-победителя в картине представлен меч в руках царя, которого у него в той битве на самом деле, конечно же, не было. Образ царя-героя в рыцарских доспехах с орденом святого Андрея Первозванного, только что снявшего шлем с забралом, на фоне битвы представил французский художник Ж.М. Натье, а в 1717 г. аналогичный образ создал И.Н. Никитин. На картине Никитина Петр изображен без ордена Андрея Первозванного, но в развевающемся красном плаще римского героя-триумфатора.

Героические образы Петра Великого представлены в двух бронзовых монументах XVIII в. Один из них – творение К.Б. Растрелли, установленное при Павле I перед Михайловским замком. Признаком воинской доблести царя был, по римскому обычаю, лавровый венок на его голове, который давался полководцу и победителю (Сокол, 2006: 48). Этот же образ имеет место в Медном всаднике Э. Фальконе. Как заявлял сам мастер в письме Д. Дидро, Петра I «я не трактую ни как великого полководца, ни как победителя, хотя он, конечно, был и тем, и другим» (Аркин, 1990: 315). Но, несмотря на такое заявление художника, образ воина и героя в памятнике был выражен очень четко, что проявляется в конной фигуре императора, как это положено для памятника герою-военачальнику.

Образ царя-мореплавателя, выделенный А.С. Пушкиным, также относится к самым устойчивым и распространенным, тем более что его всячески культивировал сам царь, поскольку море и морское дело он очень любил и был создателем российского флота. Для него моряки были людьми, которые заслуживали первостепенного внимания. Едва ли случайно на праздновании окончания Северной войны он предстал перед обществом в костюме голландского матроса (Павленко, 1975: 291). Наиболее откровенный апологет Петра I, Феофан Прокопович, не случайно сравнивал царя с ветхозаветным Иафетом. В самом деле, царь, как и этот сын праведника Ноя, строил суда и создал российский флот, ввел для России «неслыханное ... от века дело», которым было «строение и плавание карабельное» (Феофан Прокопович, 1961: 126). В.Н. Татищев в качестве одной из заслуг Петра I отмечал, что он создал «великий флот на четырех морях» (Татищев, 1990: 107). С образом царя-мореплавателя был связан культ исторического артефакта, петровского ботика – «дедушки русского флота», который всячески организовывался и поддерживался властями. Н.Г. Устрялов писал, что среди судов петровской флотилии на Переяславском озере остался от петровских времен небольшой бот, «с 1803 года сохраняемый в особом здании, под надзором отставных матросов» (Устрялов, 1858: 145). По его словам, «благородное дворянство Владимирской губернии ... приняло меры к сохранению уцелевшего ботика» (Устрялов, 1858: 145). В 1872 г. в связи с мероприятиями по празднованию 200-летия со дня рождения Петра I в Москву из Санкт-Петербурга по Николаевской железной дороге был доставлен ботик. Поздним вечером 30 мая состоялась церемония торжественной встречи ботика на Курском вокзале, описанная в «Московских ведомостях», с присутствием на ней командующего войсками Московского военного округа, московского обер-полицмейстера, войск почетного караула. На встречу ботика, согласно газетному описанию, вышли, несмотря на позднее время, «толпы народа» (Московские ведомости, 1872). В иллюстрированном альбоме, посвященном 200-летию со дня рождения Петра I с текстами описания празднования П.Н. Петрова и С.Н. Шубинского, на одной из гравюр изображен ботик – «дедушка русского флота», проплывавший по реке Москве мимо кремлевской стены с сопровождавшими его лодками под Андреевскими флагами (Альбом, 1872: 237). По-особому образ царя-мореплавателя был раскрыт в бронзовом памятнике, открытом 27 июня 1909 г., в день 200-летия победы русских войск под Полтавой, на берегу Невы перед зданием Адмиралтейства. Согласно описанию памятника в газете «Санкт-Петербургские ведомости», сделанному по модели скульптуры Бернштама, в нем изображено спасение утопающих Петром I «среди бушующих волн». «Вся фигура Царя дышит мощью и безграничной отвагой» (Санкт-Петербургские ведомости, 1909), – передавал свое впечатление от памятника автор газетного репортажа. Особенность образа царя-мореплавателя, вышедшего навстречу разбушевавшейся морской стихии ради спасения людей в том, что в духе времени этот образ включал в себя гуманистическую идею. Царь-мореплаватель и царь-герой приобретал образ царя как спасителя людей на море и выступал в роли Спасителя. Но если для христиан Спасителем является Иисус Христос, который соединяет в себе человеческую и сверхчеловеческую, божественную сущность, то император Петр Великий выступал не только в человеческом, но и в божественном образе, однако в духе начала прошлого века, когда в обществе получали все более широкое распространение гуманистические ценности.

К наиболее распространенным образам Петра I, связанным с особенностями его личности, относится образ его как царя-плотника. Основу этого образа закладывал он сам, причем не только во время работ на верфи в Саардаме в ходе Великого посольства или в самой России, но и своих общениях с подданными. В частности, это нашло отражение в записи своего разговора с царем Ивана Неплюева, который посылался за границу для обучения морскому делу в качестве гардемарина. Во время экзамена по морскому делу, который проводил у гардемарин сам Петр I, он будто бы заявил, как писал Неплюев в своих записках: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли; а все от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству» (Неплюев, 1998: 419). Как более обобщенный вариант образа царя-плотника существовал также образ царя-работника. В юбилейных публикациях журнала демократического направления «Дело», посвященных 100-летию со дня рождения Петра I, статья С. Шашкова была так и названа: «Всенародной памяти царя-работника». Автор писал, что «жизнь его была непрерывным трудом, трудом упорным и тяжким, как труд того многострадального народа, на пользу которого он жил и который до сих пор в своих сказаниях с восторгом вспоминает о нем: "вот так царь был; работник был – даром хлеба не ел!"» Он, следовательно, совершенно справедливо указывал то, что в народной памяти образ Петра I отличался от образов других самодержцев тем, что он знал работу плотника и целый ряд других профессий – корабельного мастера, кузнеца и другие, и это обеспечило ему весьма позитивное восприятие в народе. А.С. Шашков справедливо отмечал, что «Петр с благородною гордостью хвастался тем, что он "в поте лица ел хлеб свой"» (Шашков, 1872: 301), и, следовательно, очень заботился о поддержании в обществе такого своего образа. Вместе с тем А.С. Шашков подчеркивал, что дело было не только в подобном стремлении царя, но и в особенностях его личности. «Живой, неспорченной натуре Петра была противна могильная обстановка московского двора, противен всякий этикет, не только московский, но даже европейский», – писал он. Поэтому, по его словам, «народ любил своего, хотя и грозного, но общедоступного царя». Но образ царя-плотника, царя-работника также, по его мнению, способствовал тому, что его подданные, «не зараженные фанатическою суеверною ненавистью к реформе или своекорыстными расчетами партии», «должны были увлекаться его самоотверженною преданностью народному благу, которому он жертвовал всем» (Шашков, 1872: 302), и поддерживать петровские реформы. Такая, однако, связь кажется несколько искусственной и существовавшей в сознании автора, но не в массовом сознании. Несомненно, однако, что образ царя-плотника и царя-работника в массовом сознании имел место, был весьма сильным и вполне положительным. В 1909 г., когда шла подготовка к празднованию 200-летия победы под Полтавой, в ходе совещания при министерстве императорского двора высказывалось намерение, что около Адмиралтейства в дальнейшем мог быть поставлен памятник, изображающий Петра I как «Царя-Работника» (РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1378. Л. 12). Этот памятник Л.А. Бернштама был поставлен недалеко от памятника Петру I, спасающему утопающих после кораблекрушения. Копия его была подарена Николаем II голландскому городу Заандаму (Саардаму) (Сокол, 2006: 51). Имело место в обществе также довольно ироничное отношение к образу Петра I как царя-плотника и царя-работника, которое проявлялось среди части революционно-демократического направления общественной мысли. Особенно наглядно выражено оно было таким критиком царя, как М.Н. Покровский. При Петре I, как правомерно отмечал он, царский образ в сознании народа значительно изменился. Так, если в допетровское время наверху российской общественной «пирамиды» «высилось нечто вроде живой иконы, в строго византийском стиле, медленно и важно выступавшей перед глазами благоговейной толпы», то «теперь виднелась нервная, подвижная до суетливости фигура в рабочей куртке, вечно на людях, вечно на улице». При этом вообще, по словам М.Н. Покровского, «нельзя было разобрать, где же кончалась улица и начинался царский дворец» (Покровский, 1966: 592). Вместе с тем М.Н. Покровский указал еще одно любимое дело царя, которому «после катанья на яхте и работы с топором или за токарным станком ничего, кажется, не доставляло ... такого удовольствия, как рвать зубы». Поскольку, писал М.Н. Покровский, желающих лечить зубы у царя не было, то «на царских денщиков ложилась деликатная обязанность отыскивать царю случаи для упражнения в зубоврачебном искусстве» (Покровский, 1966: 605). Кризис самодержавия на рубеже XIX–XX вв. сказывался, таким образом, на отношении общества к Петру I как к царю-работнику, которое становилось объектом иронии.

Пушкинская характеристика Петра I как академика имеет два содержания. Одно из них имеет чисто формальное основание, которое заключается в том, что Петр I заботился о насаждении в России европейской науки, понимая ее культурно-историческую перспективу и значимость в отличие от традиционного взгляда на науку как на знание Писания и богословской христианской традиции. Уяснив это, он насадил ее в России, подписав в 1724 г. указ об учреждении Академии наук в Санкт-Петербурге. Другой смысл более широкий. Он заключается в признании за царем заслуги в деле организации образования в стране и в собственном интересе к научному знанию и в знаниях, которые приобрел он сам. Указ об учреждении Академии наук относился к законодательству Петра I, которое вызывало высокую оценку А.С. Пушкина. По его словам, этот указ относится к тем петровским указам, которые «суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости» (Пушкин, 1977: 303). Еще современники отмечали заслуги Петра I в распространении наук и научных знаний в

России. Феофан Прокопович подчеркивал заслуги Петра I, сопоставимые с прославленным своей мудростью ветхозаветным царем Соломоном. Об этом «довольно ... свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влияния и заведенная различная прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства» (Феофан Прокопович, 1961: 126), – писал он. В.Н. Татищев отмечал, что царь – это «ученых людей великий любитель и защитник», причем он сам «подобного себе не имел» «во многих искусствах, яко строение кораблей и мореплавании, архитектуры цивилис и милитарис, и артиллерии, оставя токарное искусство», и вообще «вольныя науки и искусства открыл, суеверие опровергл» (Татищев, 1979: 84). Эти заслуги не ставились под сомнение в течение почти двух веков после смерти первого императора России. Однако ирония М.Н. Покровского в отношении Петра I, его деятельности и петровской апологетики коснулась также «академической» и «просветительской» сторон его деятельности. «Научные интересы самого Петра, если о них можно говорить, не шли далее собирания "монстров" и "опытов", вроде попытки создать породу высоких людей, поженив откуда-то добытую царем "чрезмерно высокую" финку с показывавшимся в балагане за деньги французским великаном» (Покровский, 1966: 605), – писал он, явно высмеивая утверждения современников и историков о какой-то выдающейся учености царя.

Менее проявлялся образ Петра I как учителя народа, всего русского общества. Напрямую на эту тему говорилось в небольшой книге казанского историка И.В. Соколовского «Петр Великий как воспитатель и учитель народа», изданной в 1873 г. в период празднования 200-летнего юбилея царя. Основано оно было на том, что, согласно И.В. Соколовскому, Петр I принял новый идеал государства, не как вотчину государя, но как общественную силу, направленную «во имя общего блага». Такое государство, писал он, должно было устраиваться на новых началах, «выполнение которых он признавал необходимой обязанностью каждого члена общества». Согласно этим началам, всякий член общества «должен служить государству, народу», причем служба народу не отделялась от службы государству. Но для восприятия в обществе таких начал необходим был пример самого государя, и Петр I, как подчеркивал автор, показал пример такой службы, принимал на себя не только титулы и знаки царского величия, но и «служебные обязанности», а также новые основы в отношениях между человеком и государством. Внедрение таких новых начал он видел с нового положения государя, который являлся «не прежним помещиком вотчины, а трудолюбивым управляющим ее, руководимым заботами об общем благе, о справедливости, зависимым от общественного мнения» (Соколовский, 1873: 3). Такое отношение государя к обществу и к своим обязанностям должно было, по мнению И.В. Соколовского, способствовать воспитанию нового общества, живущего в условиях не царской вотчины, но современного государства.

Но, вводя новый взгляд на государство и на место человека в нем, на роль в государстве царя, Петр I нисколько не пытался пересматривать такую основу монархической власти, как ее сакральные, сверхъестественные, религиозные основания. Однако строились при нем они по-другому, на основе уже не византийских традиций, но традиций античного Рима, как это было в европейских монархиях эпохи барокко. «Кумир на бронзовом коне» (Пушкин, 1975: 262), – так совершенно точно передал А.С. Пушкин в «Медном всаднике» образ Петра Великого, выраженный в монументе Э. Фальконе на Сенатской площади. В образе обожествленного римского императора и бога войны Петр I, как отмечал Р.С. Уортман, представлял себя уже после взятия Азова в 1696 г. (Уортман, 2002: 68-69). В божественном образе видел царя М.В. Ломоносов. Как отмечал ученый, бога принято представлять «в человеческом виде», имея в виду как язычников восточной и античной древности, так и представления о христианском боге. В таком случае, писал он, «ежели человека, Богу подобнаго, по нашему понятию, найти надобно», то никого, «кроме Петра Великаго не обретаю» (Ломоносов, 1959: 611). В 1750 г. он сделал надпись к статуе царя: «Се есть Петр, отечества Отец; земное божество Россия почитает, и столько олтарей пред зраком сим пылает, коль много есть ему обязанных сердец» (Ломоносов, 1959: 284-285). Конечно же, ученый в самом деле видел в Петре I не бога, но человека, хотя и, по его мысли, богоподобного, или же, как он писал в «героической поэме» «Петр Великий», «такого Человека, каков во всех странах не слыхан был от века» (Ломоносов, 1959: 697). Но и в новейшее время образ Петра Великого как не только человека, но и божества, не был вполне утрачен. Он проявлялся в бронзовом памятнике Л.А. Бернштама с образом царя как Спасителя людей, терпящих бедствие на море (Сокол, 2006: 50). Однако в пореформенный период образ Петра Великого как образ божественный уже не имел перспектив для своего развития.

На его место выдвигался образ царя-реформатора, лишённого сверхъестественных способностей, но способного действовать как выдающийся политик, создававший своими реформами условия для развития общества и государства. Для отечественной общественно-исторической мысли Петр I выступал как образец реформатора, с нередким добавлением эпитета «великий». Даже дворянский фрондер князь М.М. Щербатов отдавал должное царю как реформатору. При всем своем резко критическом отношении к «повреждению нравов России», наступившему в ходе реформ, признавал «великие дела и достойные похвалы Петра Великого» (Щербатов, 2010: 119). Н.М. Карамзин, критикуя Петра I за непонимание того, что только «дух народный составляет нравственное могущество Государств», что «Государства могут стоять на одной ступени гражданского

просвещения, имея нравы различные», признавал «славное в сем Монархе» (Карамзин, 2010: 291) и указывал проведенные им реформы. По мысли петровского апологета М.П. Погодина, петровские реформы вообще создали современную Россию. «Нынешняя Россия», – писал он, – «дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная, Россия школьная, литературная – есть произведение Петра Великого» (Погодин, 2010: 229). Примером выдающегося и успешного реформатора Петр I был с точки зрения С.М. Соловьева. Хорошо известны слова из записок выдающегося историка: «Преобразования проводятся успешно Петрами Великими; но беда, если за них принимаются Людовики XVI и Александры II-е». Объясняя это, С.М. Соловьев указывал, что реформатор «вроде Петра Великого, при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке – и экипаж безопасен; но преобразователи второго рода пустят экипаж во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель» (Цимбаев, 1990: 349-350). В этих рассуждениях биограф С.М. Соловьева Н.И. Цимбаев видел «призыв к крепкой власти, необходимой и при реформах», которая была у Петра I, но которую, по его мнению, потерял Александр II. Между тем еще во времена самого Петра I появились решительные критики петровских преобразований. В 1720 г. в Преображенском приказе рассматривалось дело помещика Алексея Ртищева, который «говорил ... вслух про царское величество» «такие слова: ... разоритель государства Московского, старых слуг вывел, Москву завел на другой земле» (Новомбергский, 2004: 115-116). Но и на рубеже XIX–XX вв., в обстановке обострения системного кризиса самодержавия, формировался общественный запрос на критику петровских реформ как его исторической основы. В таких условиях появилась резко негативная оценка реформаторской деятельности Петра I, выраженная М.Н. Покровским. Подводя итог своему анализу политики царя в развитии мануфактурной промышленности, он писал: «Самодержавие Петра и здесь, как и в других областях, создать ничего не сумело, но разрушило многое» (Покровский, 1966: 560-561).

Позднейшая характеристика Петра I была сформулирована А.И. Герценом и представляла царя как революционера. В этом мыслитель видел историческую особенность страны. Спасти страну от удушающего «византизма», по его оценке, могла только революция. Но эта революция «вышла из лона самого дома Романовых» (Герцен, 2010: 221) в период царствования Петра I. «Под императорской порфирой в Петре всегда чувствовался революционер» (Герцен, 2010: 226-227), – утверждал А.И. Герцен. С одной стороны, в русском обществе, подчеркивал А.И. Герцен, в самом деле существовала глубокая потребность по его наблюдениям, «русские отреклись от прошлого без всяких возражений; одни только стрельцы пытались сопротивляться», и это – «доказательство» «крайней своевременности революции Петра Великого» (Герцен, 2010: 227). Но при этом произведенная Петром I революция, имевшая такие позитивные последствия для русского общества в целом, содержала в себе, согласно А.И. Герцену, побочные последствия, в которых по существу совпадали социальная и культурная составляющие. Так, на одной стороне оказались «крестьяне свободных и господских общин, посадские крестьяне и мещане»; это была «консервативная, общинная, традиционная Россия, строго православная или же раскольническая», «ничего не воспринявшая от европейской цивилизации». На другой – «созданное Петром I дворянство, все потомки бояр, все гражданские чиновники и, наконец, армия», причем представители этих групп населения очень быстро и охотно «освободились от своих обычаев» (Герцен, 2010: 227). По мысли А.И. Герцена, революция, проведенная Петром I, стала предпосылкой новой революции, которую он считал в будущем неизбежной. Основа его состояла в том, что Петр I как революционер «пожаловал» дворянству «страшную власть над крестьянами» и тем самым «поселил в народе глубокий антагонизм». Как основоположник теории общинного социализма, переход к которому он видел на путях крестьянской революции, он провозглашал, что такой «антагонизм приведет к социальной революции, и не найдется в Зимнем дворце такого бога, который отвел бы сию чашу судьбы от России» (Герцен, 2010: 223).

Взгляд А.И. Герцена на Петра I как на революционера разделял теоретик народничества Н.К. Михайловский, по мнению которого, в лице этого русского монарха выступал «царственный революционер» (Михайловский, 1911: 640). Он воспринял мысль А.И. Герцена о самом решительном преодолении Петром I пережитков старины, но при этом обращал внимание на то, что делал это царь «грубо и цинично», «топтал» эти пережитки «своим "всешутейшим собором"». Н.К. Михайловский указывал, что как революционер Петр I, прежде чем освободить общество, начинал освобождение с себя. Он «сбрасывает с себя иго кровных и династических интересов», что обернулось гибелью царевича Алексея. Но на место этого старого ига он «немедленно и сознательно налагает на себя иго "отечества и подданных", ради которых он действительно "жизни не жалел"». В полном соответствии с этим происходили революционные изменения в жизни его подданных. Избавляя их от старого «ига», царь, согласно Н.К. Михайловскому, «не распускал личность, не оставлял ее в безвоздушном пространстве своеволия: он наложил на нее иго науки» (Михайловский, 1911: 647). Он вообще указал личности «новые границы» (Михайловский, 1911: 648), которые определялись его взглядами на место человека в обществе и государстве. Как писал Н.К. Михайловский, Петр I считал, что если он сам служил, как он это понимал, народу, то он вправе был требовать от других «служения тому же русскому народу, а не тому или другому сословию» (Михайловский, 1911: 648). В целом его

характеристика Петра I как революционера более положительная, чем у А.И. Герцена. Считал Петра I «вождем революции, руководителем великого переворота» историк-марксист Н.А. Рожков. Готовность царя к такой роли определялась тем, что у него имелись соответствующее ей «моральное настроение, сила нравственных побуждений, убежденность, идейная смелость» (Рожков, 1928: 227). Согласно концепции Н.А. Рожкова, в России реформы Петра I привели к переходу от феодализма к торговому капитализму. Поскольку это был переход к новой общественно-экономической формации, то он был революционным. Новый класс, дворянство во главе с Петром I как со своим революционным вождем, приходил к власти в результате этой революции, устраняя феодалов-бояр, владевших вотчинами с натуральным хозяйством. Таким образом, Н.А. Рожков давал уточнение понятию о Петре I как о революционере в свете своего понимания марксистской формационно-классовой теории.

5. Заключение

Употребление кратких характеристик, состоявших из одного слова, по отношению к Петру I прослеживается еще с рубежа XVII–XVIII вв. Они прочно закрепились в русском общественно-историческом дискурсе ввиду своей исключительной четкости и емкости, способности с помощью одного слова выразить самую суть отношения к царю. В них проявлялась или общая оценка его деятельности, или отдельных важных и заметных ее сторон. По своему внутреннему смыслу они могут быть разделены на резко критические и апологетические. Критические характеристики, наиболее сильной и значимой из которых была «царь-антихрист», зарождались в петровское время в народной среде, но получали распространение в разных слоях общества. В последующее время, уже в пореформенный период, она получила распространение в обстановке кризиса самодержавия среди фрондирующей интеллигенции и проявилась в романе Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей». Апологетические характеристики царю давались его почитателями из научной среды, просветителями, ценившими его вклад в развитие просвещения и науки, и лицами, в той или иной степени близкими к государственной власти. К наиболее распространенным среди них относились такие характеристики царя, как герой, мореплаватель, работник и реформатор. Стремление представить Петра Великого в образе божества, кумира на бронзовом коне, не получили достаточно четкого выражения. Вне подразделения на апологетические и критические характеристики стоит характеристика Петра I как революционера, обоснованная А.И. Герценом и принятая в общественно-исторической мысли революционно-демократического направления. Для выявления характера и особенностей отношения разных слоев русского общества XVIII – начала XX вв. к Петру I эти краткие характеристики дают первостепенную по своему значению информацию.

Литература

- Альбом..., 1872 – Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого. Текст П.Н. Петрова и С.Н. Шубинского. СПб.: Изд. Германа Гоппе, 1872.
- Аркин, 1990 – Аркин Д.Е. Образы архитектуры и образы скульптуры. М., 1990.
- Ахиезер и др., 2008 – Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2008.
- Ахиезер, 2006 – Ахиезер А.С. Труды. М.: Новый хронограф, 2006.
- Карамзин, 2010 – Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 279–348.
- Клибанов, 1977 – Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977.
- Леонтьева, 2011 – Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской литературе XIX – начала XX вв. Самара: Книга, 2011.
- Ломоносов, 1959 – Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи.
- Михайловский, 1911 – Михайловский Н.К. Из литературных и журнальных заметок 1872 года / Полное собрание сочинений. СПб., 1911. Т. 1. С. 632–970.
- Московские ведомости, 1872 – Московские ведомости: 1872. № 134 от 30 мая.
- Неплюев, 1998 – Неплюев И.И. Записки / Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 385–448.
- Новомбергский, 2004 – Новомбергский Н.Я. Слово и дело государевы. Материалы. М., 2004.
- Павленко, 1975 – Павленко Н.И. Петр Первый. М.: Молодая гвардия, 1975.
- Погодин, 2010 – Погодин М.П. Петр Великий / Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 229–244.
- Покровский, 1966 – Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. 1–2 / Избранные произведения. М.: Мысль, 1966. Кн. 1.
- Полтавская баталия, 1976 – Полтавская баталия. Мозаика М.В. Ломоносова / Автор текста А.Л. Каганович. Л., 1976.
- Пушкин, 1974 – Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 2.

- Пушкин, 1975 – Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 3.
- Пушкин, 1977 – Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 8.
- Раскольничьи дела XVIII столетия, 1861 – Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии Г. Есиповым. СПб.: Общественная польза, 1861.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Рожков, 1928 – Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Л.-М.: Книга, 1928. Т. 5.
- Санкт-Петербургские ведомости, 1872 – Санкт-Петербургские ведомости, 1872. № 147 от 30 мая.
- Санкт-Петербургские ведомости, 1909 – Санкт-Петербургские ведомости, 1909. № 143 от 28 июня.
- Сокол, 2006 – Сокол К.Г. Памятники и монументы Российской империи. Каталог. М.: Вагриус Плюс, 2006.
- Соколовский, 1873 – Соколовский И.В. Петр Великий как воспитатель и учитель народа. Казань, 1873.
- Соловьев, 1991 – Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского / Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 227-259.
- Татищев, 1979 – Татищев В.Н. Избранные произведения. Под общей ред. С.Н. Валка. Л., 1979.
- Татищев, 1990 – Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750. Отв. ред. тома, автор вступительной статьи и примечаний д.и.н. А.И. Юхт / Научное наследство. М., 1990. Т. 14.
- Уртман, 2002 – Уртман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: О.Г.И., 2002. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования.
- Устрялов, 1858 – Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2.
- Феофан Прокопович, 1961 – Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И.П. Еремина. М.; СПб., 1961.
- Цимбаев, 1990 – Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М.: Молодая гвардия, 1990.
- Чистов, 1967 – Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды. М.: Наука, 1967.
- Шафиров, 1722 – Шафиров П.П. Рассуждение, какие законные причины е.в. Петр Великий, император и самодержец Всероссийский, ... к начатию войны против короля Карола 12 Шведского в 1700 году имел. СПб., 1722.
- Шашков, 1872 – Шашков А.С. Всенародной памяти царя-работника // Дело. 1872. Июль. С. 291-324.
- Шмурло, 1912 – Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценках современников и потомства. СПб., 1912. Вып. 1 (XVIII век).
- Щербатов, 2010 – Щербатов М.М. Насмотрение о пороках и самовластии Петра Великого / Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 117-131.

References

- Akhiezer i dr., 2008 – Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. (2008). Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo? [History of Russia: the end or a new beginning?]. М.: Novoe izdatel'stvo. [in Russian]
- Akhiezer, 2006 – Akhiezer A.S. (2006). Trudy [Proceedings]. М.: Novyi khronograf. [in Russian]
- Al'bom..., 1872 – Al'bom 200-letnego yubileya Petra Velikogo [Album of the 200th anniversary of Peter the Great]. Tekst P.N. Petrova i S.N. Shubinskogo. SPb.: Izd. Germana Goppe, 1872. [in Russian]
- Arkin, 1990 – Arkin D.E. (1990). Obrazy arkhitektury i obrazy skul'ptury [Images of architecture and images of sculpture]. М. [in Russian]
- Chistov, 1967 – Chistov K.V. (1967). Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy [Russian folk social utopian legends]. М.: Nauka. [in Russian]
- Feofan Prokopovich, 1961 – Feofan Prokopovich (1961). Sochineniya [Feofan Prokopovich. Compositions]. Pod red. I.P. Eremina. М.; SPb. [in Russian]
- Karamzin, 2010 – Karamzin N.M. (2010). O drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenii [About the ancient and new Russia in its political and civil relation]. Izbrannye trudy. М.: ROSSPEN, pp. 279-348. [in Russian]
- Klibanov, 1977 – Klibanov A.I. (1977). Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii. Period feodalizma [National social utopia in Russia. The period of feudalism]. М.: Nauka. [in Russian]
- Leont'eva, 2011 – Leont'eva O.B. (2011). Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi literature XIX – nachala XX vv. [Historical memory and images of the past in Russian literature of the 19th – early 20th centuries]. Samara: Kniga. [in Russian]
- Lomonosov, 1959 – Lomonosov M.V. (1959). Polnoe sobranie sochinenii [Full composition of writings]. М.-Л., Т. 8. Poeziya. Oratorskaya proza. Nadpisi. [in Russian]
- Mikhailovskii, 1911 – Mikhailovskii N.K. (1911). Iz literaturnykh i zhurnal'nykh zametok 1872 goda [From literary and journal notes of 1872]. Polnoe sobranie sochinenii. SPb., Т. 1, pp. 632-970. [in Russian]
- Moskovskie vedomosti, 1872 – Moskovskie vedomosti: 1872. № 134 от 30 мая. [in Russian]

- [Neplyuev, 1998](#) – *Neplyuev I.I.* (1998). Zapiski [Notes]. Imperiya posle Petra. 1725–1765. M.: Fond Sergeya Dubova, pp. 385-448. [in Russian]
- [Novombergskii, 2004](#) – *Novombergskii N.Ya.* (2004). Slovo i delo gosudarevy [The word and deed of the sovereign]. Materialy. M. [in Russian]
- [Pavlenko, 1975](#) – *Pavlenko N.I.* (1975). Petr Pervyi [Peter the First]. M.: Molodaya gvardiya. [in Russian]
- [Pogodin, 2010](#) – *Pogodin M.P.* (2010). Petr Velikii [Peter the Great]. Izbrannye trudy. M.: ROSSPEN, pp. 229-244.
- [Pokrovskii, 1966](#) – *Pokrovskii M.N.* (1966). Russkaya istoriya s drevneishikh vremen [Russian history since ancient times]. T. 1–2. Izbrannye proizvedeniya. M.: Mysl'. Kn. 1. [in Russian]
- [Poltavskaya bataliya, 1976](#) – Poltavskaya bataliya. Mozaika M.V. Lomonosova [Poltava battle. Mosaic of M.V. Lomonosov]. Avtor teksta A.L. Kaganovich. L., 1976.
- [Pushkin, 1974](#) – *Pushkin A.S.* (1974). Sobranie sochinenii v 10-ti t. [Collected works in 10 volumes]. M.: Khudozhestvennaya literatura, T. 2. [in Russian]
- [Pushkin, 1975](#) – *Pushkin A.S.* (1975). Sobranie sochinenii v 10-ti t. [Collected works in 10 volumes]. M.: Khudozhestvennaya literatura, T. 3. [in Russian]
- [Pushkin, 1977](#) – *Pushkin A.S.* (1977). Sobranie sochinenii v 10-ti t. [Collected works in 10 volumes]. M.: Khudozhestvennaya literatura, T. 8. [in Russian]
- [Raskol'nich'i dela XVIII stoletiya, 1861](#) – Raskol'nich'i dela XVIII stoletiya [The schismatic affairs of the 18th century]. Izvlechennye iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tainoi kantselyarii G. Esipovym. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1861. [in Russian]
- [RGADA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts].
- [RGLA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- [Rozhkov, 1928](#) – *Rozhkov N.A.* (1928). Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (osnovy sotsial'noi dinamiki) [Russian history in comparative historical coverage (foundations of social dynamics)]. L.-M.: Kniga. T. 5. [in Russian]
- [Sankt-Peterburgskie vedomosti, 1872](#) – Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1872. № 147 ot 30 maya. [in Russian]
- [Sankt-Peterburgskie vedomosti, 1909](#) – Sankt-Peterburgskie vedomosti, 1909. № 143 ot 28 iyunya. [in Russian]
- [Shafirov, 1722](#) – *Shafirov P.P.* (1722). Rassuzhdenie, kakie zakonnye prichiny e.v. Petr Velikii, imperator i samodержzhets Vserossiiskii, ... k nachatiyu voyny protiv korolya Karola 12 Shvedskogo v 1700 godu imel [Reasoning what are the legitimate reasons e.v. Peter the Great, the emperor and autocrat of the All-Russian, ... at the beginning of the war against King Karol 12 of Sweden in 1700 had]. SPb. [in Russian]
- [Shashkov, 1872](#) – *Shashkov A.S.* (1872). Vsenarodnoi pamyati tsarya-rabotnika [The popular memory of the tsar-worker]. Delo. Iyul'. Pp. 291-324. [in Russian]
- [Shcherbatov, 2010](#) – *Shcherbatov M.M.* (2010). Hassmotrenie o porokakh i samovlastii Petra Velikogo [An examination of the vices and autocracy of Peter the Great]. Izbrannye trudy. M.: ROSSPEN, pp. 117-131. [in Russian]
- [Shmurlo, 1912](#) – *Shmurlo E.F.* (1912). Petr Velikii v otsenkakh sovremennikov i potomstva [Peter the Great in the assessments of contemporaries and offspring]. SPb. Vyp. 1 (XVIII vek). [in Russian]
- [Sokol, 2006](#) – *Sokol K.G.* (2006). Pamyatniki i monumenty Rossiiskoi imperii [Monuments and memorials of the Russian Empire]. Katalog. M.: Vagrius Plyus. [in Russian]
- [Sokolovskii, 1873](#) – *Sokolovskii I.V.* (1873). Petr Velikii kak vospitatel' i uchitel' naroda [Peter the Great as an educator and teacher of the people]. Kazan'. [in Russian]
- [Solov'ev, 1991](#) – *Solov'ev V.S.* (1991). Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three speeches in memory of Dostoevsky]. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika. M.: Iskusstvo, pp. 227-259. [in Russian]
- [Tatishchev, 1979](#) – *Tatishchev V.N.* (1979). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Pod obshechi red. S.N. Valka. L. [in Russian]
- [Tatishchev, 1990](#) – *Tatishchev V.N.* (1990). Zapiski. Pis'ma. 1717–1750 [Notes. Letters. 1717-1750]. Otv. red. toma, avtor vstupitel'noi stat'i i primechanii d.i.n. A.I. Yukht. Nauchnoe nasledstvo. M., T. 14. [in Russian]
- [Tsimbaev, 1990](#) – *Tsimbaev N.I.* (1990). Sergei Solov'ev [Sergey Solovyov]. M.: Molodaya gvardiya. [in Russian]
- [Uortman, 2002](#) – *Uortman R.S.* (2002). Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. M.: O.G.I., T. 1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. Materialy i issledovaniya. [in Russian]
- [Ustryalov, 1858](#) – *Ustryalov N.G.* (1858). Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo [The history of the reign of Peter the Great.]. SPb., T. 2. [in Russian]

От антихриста до революционера: Петр I в отечественном общественно-историческом дискурсе XVIII – начала XX вв.

Людмила Владимировна Мининкова ^а, Татьяна Юрьевна Айдунова ^{а, *}

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Петр Великий как одно из наиболее сильных и устойчивых мест русской исторической памяти выступал в ней в ее самых разнообразных проявлениях. Среди них имели место краткие, состоящие из одного слова, характеристики царя. При своей краткости они несли в себе значительную информацию, выражавшую отношение разных слоев общества к царю. Первые из них сформировались в сознании людей петровского времени, наиболее распространенным из них был образ Петра I как царя-антихриста. Позднейший из них, образ царя-революционера, был введен А.И. Герценом. Краткие характеристики царя были как критическими, так и апологетическими. Критические характеристики вроде царя-антихриста возникли в народе и широко распространились в обществе. В пореформенный период и в начале XX в., в условиях системного кризиса самодержавия, они получили распространение среди демократической интеллигенции. Апологетические характеристики давались просветителями, ценившими вклад царя в развитие просвещения в России, а также лицами, в той или иной степени близкими к государственной власти. Среди наиболее распространенных характеристик царя – герой, мореплаватель, работник, реформатор. Стремление придать Петру Великому божественный образ, наблюдавшееся уже после Азовских походов царя, образ кумира на бронзовом коне не получили достаточно четкого выражения. Не относится к апологетическим и критическим образ Петра I как революционера и в общем ряду петровских образов занимает особое место. Краткие однословные характеристики Петра I представляют собой важный источник по истории общественно-исторического сознания новой и новейшей России.

Ключевые слова: историческая память, общественно-историческое сознание, исторический образ, Петр I как место русской исторической памяти, царь-антихрист, царь-реформатор, царь-революционер, А.С. Пушкин о Петре I, А.И. Герцен о Петре I.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tat-apr@mail.ru (Т.Ю. Айдунова)